

Трунов Ф.О.¹

**Фактор выборов
в межгосударственных отношениях:
политический диалог
Германия – Польша (2013–2022)**

Аннотация. Исследование германо-польских отношений важно для понимания положения дел в Евро-Атлантическом сообществе в целом. Динамика диалога между Польшей и ФРГ приобрела новое значение в реалиях современной конфронтации между Западом и РФ.

Автор анализирует влияние фактора национальных выборов на взаимодействие Берлина и Варшавы в политической сфере. В ФРГ в 2013 и 2018 гг. по итогам выборов в бундестаг было образовано правительство «большой коалиции» с участием ХДС/ХСС как ведущей силы и СДПГ. В 2021 г. в кабинет О. Шольца вошли представители СДПГ, СВДП и «Союза 90/Зелёных». В Республике Польша (РП) в результате парламентских выборов 2015 г. вместо коалиции, в которой ведущую роль играла «Гражданская платформа» (ГП), было создано однопартийное правительство «Права и справедливости» (ПиС), а по итогам выборов в сейм 2019 г. ПиС укрепила свои позиции. Выдвиженец ПиС А. Дуда дважды (в 2015 и 2020 гг.) был избран президентом РП.

В статье изучается восприятие польского направления в каждом из межпартийных коалиционных соглашений правительства ФРГ (2013, 2018, 2021) и оценивается полнота реализации этих

¹ Трунов Филипп Олегович – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, ИИИОН РАН. (1 trunov@mail.ru).

доктринальных установок на практике. Разрыв между предписаниями соглашений и практикой, с 2014 г. возникший во внешней политике Германии в отношении Польши, в 2018–2022 гг. стал постепенно сокращаться. Во многом это объясняется тем, что после прихода к власти в Польше PiS Берлин осознал объективные сложности в налаживании продуктивного взаимодействия с партнером. Анализируется динамика межгосударственного диалога, показано место, которое в нем занимают «Нормандская четверка», «Вишиеградская группа», формат межправительственных консультаций. Сравниваются подходы истеблишмента ФРГ и РП к наличию «старшего партнера» в двустороннем диалоге. В связи с этим исследуется влияние фактора США, особенно в президентство Д. Трампа и затем Дж. Байдена, на развитие германо-польских отношений. Делается вывод о достоинствах модуса вивенди в споре о лидерстве между Германией и Польшей.

Ключевые слова: партийно-политический ландшафт, ХДС/ХСС, СДПГ, «Союз 90/Зелёные», коалиционный договор, «Право и справедливость», конфронтация, лидерство, США, Д. Трамп, Дж. Байден.

С середины 2010-х годов стратегический интерес Германии к Центрально-Восточной Европе (ЦВЕ) заметно возрос. Среди объективных причин этого – географическая значимость региона для обеспечения влияния ФРГ в западной части постсоветского пространства и осознание слабости собственных политических и военных позиций в ЦВЕ. В начале 2010-х годов в ЦВЕ не было стран, с которыми Германию связывали бы такие же доверительные отношения, как с Францией или Нидерландами в Западной Европе. Бундесвер, силы которого Германия активно использовала на международной арене (в частности, в зонах нестабильности в Азии и Африке), до 2017 г. не вносил ощутимого вклада в обеспечение безопасности стран ЦВЕ. Субъективной причиной возросшего интереса Германии к ЦВЕ можно считать фактор полномасштабной конфронтации между Евро-Атлантическим сообществом и РФ (с 2014 г.). Государства ЦВЕ постоянно подчеркивали факт своего нахождения в восточной (т.е. территориально наиболее близкой к России) части Североатлантического альянса и соответственно требовали учитывать их возраставшие обеспокоенность и запросы. ФРГ старалась продемонстрировать свою готовность к этому, од-

новременно рассчитывая усилить свое влияние на региональных игроков. Но при этом она отнюдь не была готова согласиться на реализацию неудобных для себя мер.

Наиболее остро эта проблема проявилась в отношениях ФРГ с Республикой Польшей (РП), которая считает себя ведущим игроком в ЦВЕ. Обострение или частичное урегулирование спора о лидерстве не в последнюю очередь определялось внутренней обстановкой в каждой из стран. В связи с этим общенациональные выборы – парламентские (в Польше и ФРГ) и президентские (в Польше) – были весьма значимым фактором.

Схему внешнеполитического позиционирования Польши можно описать следующим образом: достижение внешнеполитических задач с опорой на старшего партнера *западнее* Германии. Исторически таковым чаще всего считалась Франция, а со времени вступления Польши в Евро-Атлантическое сообщество – Соединенные Штаты Америки. Поэтому изучение отношений ФРГ и РП невозможно без учета изменений, происходивших во внешней политике США после президентских выборов 2016 и 2020 гг.

Задача статьи – исследовать влияние фактора национальных выборов на развитие диалога Германии и Польши в политической сфере в 2013–2022 гг. С учетом разницы в объемах ресурсной базы двух стран первоочередным объектом для изучения избрана ФРГ. Это предопределило выбор хронологических рамок, привязанных к датам выборов в Бундестаг (2013, 2017, 2021). Эти рамки также охватывают период современной конфронтации Евро-Атлантического сообщества с РФ.

Как отечественные, так и зарубежные исследователи проявляют значительный интерес к изучению германо-польских отношений в современных реалиях [Белов, 2018 ; Кузнецов, 2016 ; Ришар, 2017 ; Рубинский, 2016 ; Lang, 2019]. Однако лишь в отдельных работах [Balcer, Blusz, Schmieg, 2017] делаются попытки увязать внутреннее и внешнее измерения германо-польского диалога.

Методами исследования избраны сравнительный анализ, контент-анализ (применительно к содержанию коалиционных договоров ФРГ), ивент-анализ (при оценке полноты реализации доктринальных установок на практическом уровне после выборов).

Особенности эволюции партийно-политического ландшафта стран

Со времени образования ФРГ (1949) неизменной традицией политической жизни страны являлось тяготение партий к идеальному центру [Юдина, 2019, с. 68]. Вокруг него функционировали две крупнейшие партии – левоцентристская Социал-демократическая партия (СДПГ) и правоцентристский Христианско-демократический союз (ХДС) со своим «братьем» – Христианско-социальным союзом (ХСС). В период Боннской республики СДПГ и ХДС/ХСС назывались «партиями-китами» или «народными партиями»: они уверенно получали суммарно 80–90% голосов избирателей на выборах в бундестаг до конца 1980-х годов [Bundestagswahlergebnisse..., 2021]. Вместе с тем однопартийное правительство было нехарактерно для Западной Германии. В тех случаях, когда СДПГ и ХДС/ХСС не были готовы к созданию «большой коалиции», роль «спутника» победившей партии принимали на себя либералы – свободные демократы (СвДП).

Однако с 1990-х годов в ФРГ начался процесс постепенной, но неуклонно нарастающей фрагментации партийно-политического ландшафта. Возникли и укрепили свои позиции партии, придерживающиеся «неклассической» политической повестки (в частности, «Союз 90/Зелёные» с 1980-х годов), а также новые силы на флангах – крайне левом («Левая»/ПДС¹ с 1990-х годов) и крайне правом («Альтернатива для Германии» (АдГ) с 2010-х годов). АдГ – пример партии, установки которой находятся примерно посередине между правым популизмом и правым радикализмом [Любин, 2018, с. 44]. В 2017 г. она впервые сумела пройти в бундестаг и закрепиться там (см. табл. 1). Правый популизм предполагает декларативную неприязнь к находящемуся у власти истеблишменту, дополненную подчеркнутым вниманием к «воле народа». Под правым радикализмом понимается набор идей ультранационали-

¹ «Левая» – демократическая социалистическая партия в Германии, возникла в 2007 г. в результате объединения Партии демократического социализма (ПДС) с партией «Труд и социальная справедливость – Избирательная альтернатива».

стического толка, в основе своей направленных против либеральной демократии. «Альтернатива для Германии» болезненно воспринимает как «игру мускулами» со стороны Республики Польша, так и более быстрое, по сравнению с ФРГ, обретение Польшей реального суверенитета в традиционном понимании, которого придерживается сама АдГ (подробнее см.: [Белинский, 2018, с. 31–32]). Укрепление позиций АдГ потребовало от ХДС/ХСС и СДПГ реализации широкого спектра контрмер. Во внешней политике это выразилось в стремлении к ускоренному превращению ФРГ в одну из мировых держав, обретению положения старшего партнера при ведении диалога с абсолютным большинством других стран, запуску масштабного процесса усиления бундесвера, в отношениях ФРГ с РП – в уменьшении готовности христианских демократов и социал-демократов к уступкам польскому руководству, поскольку АдГ могла использовать любую из этих уступок для перетягивания на свою сторону избирателей основных правительственные партий.

Таблица 1

Поддержка партий на выборах в бундестаг в XXI в. (в %)

Год / партия	«Левая»	СДПГ	«Союз 90/ Зелёные»	ХДС/ХСС	СвДП	АдГ	Иные
2002	4,0	38,5	8,6	38,5	7,4	–	3,0
2005	8,7	34,2	8,1	35,2	9,8	–	4,0
2009	11,9	23,0	10,7	33,8	14,6	–	6,0
2013	8,6	25,7	8,4	41,5	4,8	4,7	11,0
2017	9,2	20,5	8,9	32,9	10,7	12,6	5,0
2021	4,9	25,7	14,8	24,1	11,5	10,3	8,7

Построено автором на основе: [Bundestagswahlergebnisse..., 2021].

Чем обусловлена такая трансформация партийно-политического ландшафта ФРГ? Образование общегерманского государства (1990) автоматически включило в электоральные процессы миллионы «осси» (бывших граждан ГДР и их потомков), многие из которых принципиально не отдавали предпочтения «партиям-китам» [Любин, 2018, с. 40]. Изменилось отношение к «партиям-китам» и со стороны части «весси» (бывших граждан ФРГ). Во мно-

гом это было обусловлено окончанием холодной войны. Ее мобилизующее влияние проявлялось в заинтересованности избирателей в предельно стабильной политической системе, гарантами сохранения которой считались именно «партии-киты», особенно ХДС/ХСС. Их избирательная поддержка впервые снизилась в начале 1970-х годов [Bundestagswahlergebnisse..., 2021] в условиях международной разрядки и вновь стала падать с 1987 г. [Ibid.] на фоне нового ослабления напряженности между Западом и Востоком.

В XXI в. основными внутриполитическими проблемами, общими для СДПГ и ХДС/ХСС, были недостаток харизматичных лидеров и ограниченное внимание ко многим «неклассическим» вопросам повестки дня [Юдина, 2019, с. 57–63]. Так, входившие в правительство христианские демократы и социал-демократы стали основными объектами критики (как внутри, так и вне ФРГ), связанной с масштабами миграционного кризиса в 2015–2016 гг. и обусловленным этим ростом террористической угрозы в странах ЕС [Погорельская, 2016, с. 105–112]. Все это вкупе с давним присутствием СДПГ и ХДС/ХСС в «большой политике» лишило эти партии привлекательного ореола новизны [Тимошенкова, 2018, с. 30–33].

Суммарная избирательная поддержка ХДС/ХСС и СДПГ в 2000-е годы упала с более 75% до менее 50% и в дальнейшем продолжала демонстрировать тенденцию к спаду. Так, в 2010-е – начале 2020-х годов социал-демократы не всегда могли сохранить свою избирательную поддержку даже на уровне 25% голосов избирателей; ХДС/ХСС в 2021 г. установила антирекорд – ее поддержка также опустилась ниже 25% (см. табл. 1). Показательно, что в XXI в. кабинеты «большой коалиции» складывались достаточно часто (2005–2009, 2013–2018, 2018–2021), доказывая тем самым фактическую взаимную заинтересованность ХДС/ХСС и СДПГ друг в друге. Остальные парламентские партии в 2010-е годы на некоторых федеральных выборах набирали уже от 10 до 15% голосов (хотя иногда случались и обвальные падения – как у СвДП в 2013 г. и «Левой» в 2021 г.) (см. табл. 1). Утрачивая статус «народных партий» (т.е. партий, имевших массовую, в миллионы голосов, поддержку избирателей (см.: [Белов, 2018 ; Юдина, 2019]), СДПГ и

ХДС/ХСС все больше зависели от младшего партнера по коалиции в лице СвДП и (или) «Союза 90/Зелёных».

Трансформация партийно-политического ландшафта ФРГ оказывала в целом негативное влияние на диалог Германии с Польшей. Курс официальной Варшавы на утверждение своего лидерства в Восточной Европе вызывал недовольство не только АдГ, но и «Левой» (вследствие ее пацифистских установок). СвДП, как наиболее активная защитница либеральных ценностей, негативно относилась к отстаиванию консервативных принципов, которыми руководствовалась польская «Право и справедливость» (ПиС) [Balcer, Blusz, Schmieg, 2017, р. 20–21]. «Союз 90/Зелёные», который с первого десятилетия XXI века все более явственно ориентировался на Демократическую партию США, до начала 2020-х годов был нежелательным партнером для Польши, особенно для ПиС, сосредоточившейся на сотрудничестве с Республиканской партией США [Ibid.]. «Зелёные» априори относились с неодобрением к принятой в РП модели развития реального сектора экономики (основанной, в частности, на активном использовании угля). Значимой точкой соприкосновения между «Зелёными» и ПиС стала их обоюдная поддержка курса на ужесточение конфронтации с Россией, особенно после начала специальной военной операции РФ (СВО) [Gemeinsame Erklärung..., 2022]. Стратегическая линия администрации Дж. Байдена (в том числе ее заметное сближение с Польшей) задала этим партиям рамочные условия для трансформации их взаимного критического восприятия в положительное. Однако сдержанное отношение к ПиС со стороны СДПГ и СвДП осталось неизменным.

Нынешний партийно-политический ландшафт Польши, сложившийся после периода бурной трансформации, последовавшей за самороспуском социалистического лагеря, в основном сформировался в 2000-е годы. Его ключевая черта, общая с ФРГ, – наличие двух наиболее влиятельных партий. В Польше это «Право и справедливость» и «Гражданская платформа» (ГП). Однако различия гораздо более существенны. ПиС – правоконсервативная партия, а ГП – либерально-консервативная, т.е. центр притяжения смещен *вправо*, а не к центру, как в ФРГ. При этом «Право и спра-

ведливость» в своих установках всегда уделяла гораздо больше внимания фактору исторической памяти (в том числе ответственности Германии перед Польшей за злодеяния Второй мировой войны), чем «Гражданская платформа» [Словински, 2020, с. 105–109], и неоднократно пользовалось этим, чтобы побудить ФРГ поддержать курс РП [Balcer, Blusz, Schmieg, 2017, р. 20–25].

Стоит отметить, что особый интерес для ФРГ представляет польская партия «Немецкое меньшинство». Она обладает точечной (до 0,2%) избирательной поддержкой на национальном уровне [Republic of Poland..., 2019], однако консолидирует немецкоязычную общину.

Если в Германии в 2010-е – начале 2020-х годов СДПГ и ХДС/ХСС приблизились к малым партиям по уровню избирательной поддержки (см. табл. 1), то в Польше ГП и особенно ПиС, – напротив, неизменно набирали значительно больше голосов, чем остальные силы. Так, на выборах в сейм в 2011 г. обе партии суммарно набрали более 69%, 2015 г. – свыше 61%, а в 2019 г. – уже 71% (см. табл. 2). Однако «Гражданская платформа» постепенно утрачивала поддержку, а «Право и справедливость», наоборот, укрепляла свои позиции. На президентских выборах 2015 и 2020 гг. победил выдвиженец от ПиС А. Дуда.

Таблица 2

Поддержка ведущих партий РП на выборах в сейм в 2010-е годы (в %)

Партия/год	2011	2015	2019
«Гражданская платформа»	39,2	24,1	27,4
«Партия и справедливость»	29,9	37,6	43,6

Построено автором на основе: [Republic of Poland..., 2011 ; Republic of Poland..., 2015 ; Republic of Poland..., 2019].

«Правый уклон» политического ландшафта – общая внутренняя тенденция, характерная сегодня и для ФРГ, и для РП. В Польше значимую роль в укреплении позиций «Права и справедливости» играет фактор конфронтации Запада с РФ. ПиС стремилась к ужесточению противостояния, придавая не только внешней политике, но и политике исторической памяти ярко вы-

раженную антироссийскую (антисоветскую) направленность, действуя в этом направлении и через сейм, и через президента [Словински, 2020, с. 105–109]. Можно отметить, что значительная популярность «Права и справедливости» в условиях современной конфронтации Запада с РФ представляет собой очевидную аналогию высокой электоральной поддержки ХДС/ХСС в период холодной войны, когда сама ФРГ находилась на «передовой линии». В обоих случаях повышенная мобилизационная готовность общества обеспечивала основной правоконсервативной партии ведущую роль на политической сцене как гаранту защиты национальных интересов.

В этом плане современная конфронтация с РФ играет меньшую сплачивающую роль в ФРГ из-за большей плавности выстраивания нынешней системы «сдерживания» оппонента, а также вследствие того, что сегодня страна расположена в зоне второго (а не первого) стратегического эшелона НАТО. Вместе с тем постепенное развитие конфронтации привело к некоторому росту электоральной поддержки более жестких политических сил. С учетом этого руководство СДПГ и лично О. Шольц (канцлер с 8 декабря 2021 г.; с 14 марта 2018 г. по 8 декабря 2021 г. был вице-канцлером в правительстве «большой коалиции») стремятся подчеркнуть свою направляющую роль в масштабных процессах усиления бундесвера и, в частности, в наращивании его группировок в ЦВЕ [Pressekonferenz..., 2022 ; Regierungserklärung..., 2022].

**Правительство «большой коалиции» (2013–2018):
нереализованность постыборных установок
на польском направлении?**

В коалиционном договоре между блоком ХДС/ХСС и СДПГ от 27 ноября 2013 г. содержалась в целом позитивная оценка перспектив диалога с Польшей. В то время направляющую роль в политике РП играли «Гражданская платформа» и ее выдвиженец президент Бронислав Коморовский (2010–2015). Германия считала Польшу своим важнейшим партнером в ЦВЕ, существенно превосходившим по значимости других региональных игроков. Весьма показательно сравнение частотности упоминаний РП и ряда других стран ЦВЕ, а также самого этого региона в коалиционном до-

говоре 2013 г. (табл. 3). Помимо прочего, ФРГ пыталась дополнить межправительственный диалог контактами в сфере публичной дипломатии, в том числе по молодежной линии [Белов, 2018, с. 49 ; Deutschlands Zukunft..., 2013, S. 165].

Таблица 3

Частотность упоминаний ряда стран ЦВЕ в коалиционных договорах ФРГ 2010-х – начала 2020-х годов

Страна, регион / год договора	2013	2018	2021
Центрально-Восточная Европа (как регион в целом)	3	5	2
Венгрия	0	1	0
Литва	0	0	0
Польша	6	10	4
Румыния	0	0	0
Чехия	3	0	0

Рассчитано автором на основе: [Deutschlands Zukunft..., 2013 ; Ein neuer Aufbruch..., 2018 ; Mehr Fortschritt Wagen..., 2021].

Вместе с тем правительство «большой коалиции» выказывало определенную осторожность во взаимодействии с Польшей, позволявшую проявлять гибкость на концептуальном и – тем более – на практическом уровнях. Такая позиция была обусловлена опасениями касательно вероятной переориентации РП на США и Великобританию в ущерб развитию диалога с ФРГ. В реалиях осени 2013 г. такой сценарий казался возможным, однако неизбежным. Чтобы не допустить его реализации, кабинет «большой коалиции» зафиксировал в коалиционном договоре свою готовность поддерживать Польшу в ее стремлении стать одним из центров притяжения в ЕС, но при одном важнейшем условии – последовательной координации действий с германо-французским тандемом. В списке межгосударственных контактов с партнерами по ЕС сотрудничество с РП рассматривалось как второе по значимости после партнерства с Францией [Deutschlands Zukunft..., 2013, S. 165]. Тем самым ФРГ предполагала, что параллельно с традиционной «евротройкой» («Е3»: Великобритания, Германия, Франция) будет обеспечено функционирование другой, «альтернативной евротройки» («Веймарского треугольника»: Германии, Франции,

Польши), где место Соединенного Королевства займет Польша, что будет содействовать отдалению Польши от Великобритании.

Соответственно, направляющую роль в развитии евроинтеграции – особенно в смысле расширения зоны стратегического влияния ЕС и увеличения числа стран-участниц – должен был играть триумвират «Веймарского треугольника». В соглашении «большой коалиции» указывалось, что данная площадка будет чрезвычайно полезна для укрепления стратегической «цепочки» Западной и Центрально-Восточной Европы [Deutschlands Zukunft..., 2013, S. 165]. Кроме того, коалиционный договор 2013 г. подчеркивал практическую значимость для координации усилий на постсоветском пространстве, особенно в сфере безопасности и обороны, еще одного «треугольника» – РФ – ФРГ – РП [Ibid.], который Берлин пытался создать как минимум с конца 2010-х годов [Бирюков, Савин, 2010, с. 55–60].

Помимо прочего, в соглашении было зафиксировано, что Польша является наиболее ценным (после Франции и ЕС в целом) партнером ФРГ для сотрудничества в рамках ОБСЕ и Совета Европы [Deutschlands Zukunft..., 2013, S. 165]. Все это показывало, какое большое политическое значение, функционально и географически выходящее за рамки ЕС, Германия придавала деятельности «альтернативной евротройки» с участием Польши. ФРГ стремилась продемонстрировать РП, что разноплановое сотрудничество с германо-французским tandemом имеет определенные преимущества по сравнению с дальнейшим углублением взаимодействия с Великобританией и США. Данный подход, отражавший политическую проницательность III кабинета А. Меркель, проявился на концептуальном (доктринальном) уровне внешней политики ФРГ еще до выхода Великобритании из ЕС и появления в Белом доме Д. Трампа, и до начала новой конфронтации Запада с РФ.

До марта 2014 г. – в течение первой фазы развития украинских событий – германо-польский диалог в сфере безопасности и обороны продвигался в соответствии с буквой и духом коалиционного договора от 27 ноября 2013 г., хотя уже на следующий день после принятия этого договора членами «большой коалиции» общеполитическая ситуация изменилась: на проходившем в то время

в Вильнюсе саммите «Восточного партнерства» президент Украины В.Ф. Янукович отказался подписать соглашение об ассоциации с ЕС. Эта крупная тактическая неудача заставила ФРГ и РП интенсифицировать диалог по вопросам, связанным с расширением сферы влияния Евро-Атлантического сообщества [Rede..., 2014]. Одним из важнейших проявлений нового курса стала тесная координация усилий стран – участниц «Веймарского треугольника» по поддержке киевской оппозиции в ходе ее выступлений на Майдане с декабря 2013 г., а кульминацией стало принятие главами МИД Германии и Польши, а также уполномоченным от МИД Франции роли гарантов соглашения, заключенного 21 февраля 2014 г. между руководством Украины во главе с В.Ф. Януковичем и лидерами оппозиции [Die wechselseitigen..., 2016, S. 23]. А уже 22 февраля 2014 г. страны «Веймарского треугольника» утвердились в положении внешних гарантов существования новой власти на Украине, проигнорировав (и, по сути, поддержав) действия последней по силовому срыву предыдущих договоренностей [Бабенко, 2019, с. 108]. С марта 2014 г., после того как Россия восстановила свой суверитет над Крымским полуостровом и стала предпринимать активные действия по защите прав русскоязычного населения на Украине, ФРГ и РП начали координировать усилия по оказанию давления на РФ [Rede..., 2014].

Однако в апреле – июне 2014 г. логика сотрудничества РП и ФРГ была нарушена. Германо-французский тандем отказался пригласить Польшу к участию в «Нормандском формате» – площадке для демонстративно вынужденного диалога с РФ с целью урегулирования вооруженного конфликта на востоке Украины. Это стало болезненным ударом для Польши, тем более что администрация Б. Обамы фактически делегировала ведущую роль в переговорном процессе Франции и ФРГ как представителям «коллективного Запада». В дальнейшем, несмотря на неоднократные настоятельные заявления польской стороны, официальные Берлин и Париж так и не допустили ее к работе в составе «Нормандского формата» [Die wechselseitigen..., 2016, S. 16–17]. Видимо, основная причина этого – опасения, что Польша, занимающая жесткую антироссийскую позицию, вероятнее всего, начнет «тор-

педировать» и без того постоянно буксовавший переговорный процесс. Данные опасения еще более усилились после победы представителя ПиС А. Дуды на президентских выборах в РП в мае 2015 г. и укрепления позиций ПиС в сейме после выборов в октябре 2015 г. [Ibid., S. 15].

Не имея возможности присоединиться к работе «Нормандского формата», Польша выработала контрстратегию, включавшую в себя следующие меры. Во-первых, РП практически отказалась от использования «Веймарского треугольника», что шло вразрез с ожиданиями официального Берлина [Белов, 2018, с. 49; Рубинский, 2016, с. 76–78]. Во-вторых, Польша воспользовалась возможностями «Вишеградской группы» для давления на ФРГ, при этом не допуская Германию к полноценному сотрудничеству с этим форматом. «Вишеградская четверка», в отличие от «Веймарского треугольника», работала без сбоев и перерывов и обладала большим практическим весом [Шишелина, 2015, с. 10–15]. Польша и Венгрия активно использовали «Вишеградскую группу» для критики ФРГ и персонально А. Меркель в ходе миграционного кризиса в ЕС в 2015–2016 гг. [Погорельская, 2016, с. 120–127]. В-третьих, Польша стала чаще использовать формат межправительственных консультаций для продавливания своих интересов. На данном направлении «Право и справедливость» особенно часто подчеркивала фактор исторической ответственности Германии, которому руководство ПиС традиционно придавало особое значение [Словински, 2020, с. 105–109]. В сентябре 2017 г. в сейме депутаты «Права и справедливости» обнародовали список требований к Германии о выплате репараций за Вторую мировую войну в размере около 50 млрд долл. [Белов, 2018, с. 49]. Польская сторона стала активно продвигать эту идею в ноябре 2018 г. на очередных межправительственных консультациях, проходивших в Варшаве с участием большого числа партийных функционеров ПиС. Но германское руководство, отказавшись в принципе обсуждать данный вопрос, умело отразило политический натиск польских высших государственных чиновников [Kellermann, 2018].

И, наконец, между ФРГ и РП обнаружились глубокие различия по вопросам, касающимся характера комплектования, осна-

щения, а также увеличения численности сил передового развертывания (СПР) НАТО, прежде всего в ЦВЕ и сопредельных акваториях. Если в РП процесс постепенного переоснащения и увеличения численности национальных вооруженных сил начался уже в 2014–2015 гг., то в ФРГ это произошло не ранее 2017–2018 гг. Если Польша настаивала на постоянном составе СПР при их предельно возможной численности [Die wechselseitigen..., 2016, S. 16–17], то Германия выступала за ротационный характер комплектования и плавное увеличение численности СПР. Показательными индикаторами этих расхождений стали минимальные объемы участия (лишь один инженерный батальон) бундесвера в крупнейших учениях Anakonda 16 накануне Варшавского саммита НАТО (8–9 июня 2016 г.), а также взаимная неготовность ФРГ и РП к развертыванию германских войсковых наземных подразделений в составе СПР в Польше [NATO's..., 2022] (хотя ФРГ уже начала принимать участие в этом процессе на территории Литвы [Iron Wolf..., 2019] – наиболее крупной из стран Балтии).

Данная контрстратегия РП обрела «второе дыхание» после победы Д. Трампа на президентских выборах в США в ноябре 2016 г.: позиции администрации 45-го президента США и «Права и справедливости» значительно сблизились [Balcer, Blusz, Schmieg, 2017, р. 22–24]. Это можно объяснить тем, что и администрация Д. Трампа, и руководство ПиС занимали правоконсервативные позиции. При этом ФРГ – особенно на фоне Брекзита (выхода Великобритании из ЕС) и мощного давления, оказываемого Д. Трампом на Европейский союз, – последовательно позиционировала себя в качестве апологета либеральных ценностей. Д. Трамп намеревался вернуться к концепции «Новой Европы», предложенной еще Дж. Бушем – младшим, в которой группа государств ЦВЕ во главе с Польшей де-факто противопоставлялась «старым» европейским странам – участникам НАТО и ЕС – прежде всего Германии и Франции. Польша поддерживала усилия администрации Д. Трампа по оказанию давления на ФРГ, особенно в области безопасности и обороны [Balcer, Blusz, Schmieg, 2017, р. 22–24]. Прежде всего это касалось болезненного для Германии вопроса, связанного с необходимостью ускоренного увеличения военных расходов до отмет-

ки в 2% от ВВП. На украинском направлении официальная Варшава поддержала запуск миссии спецпредставителя Госдепартамента США К. Волкера – как механизм, параллельный и во многом альтернативный «Нормандскому формату».

Легислатура 2018–2021 гг.: задача активной обороны?

С формированием нового правительства по итогам выборов в бундестаг, состоявшихся в сентябре 2017 г., был связан беспрецедентный по продолжительности (около полугода) и остроте внутренний кризис, – можно сказать, «спойлер» будущих перемен. Шок, который испытал истеблишмент ФРГ от того, что «Альтернатива для Германии» прошла в нижнюю палату парламента [Юдина, 2019, с. 64–66], усугублялся сложностями подбора кандидата (кандидатов) на роль младшего партнера для ХДС/ХСС. Уже тогда прорабатывалась возможность включить в правительство сразу две малые партии: «Союз 90/Зелёные» и СвДП [Любин, 2018, с. 48–50]. Тем не менее в итоге в марте 2018 г. вновь был образован кабинет «большой коалиции»: ХДС/ХСС и СДПГ, явно теряющие электоральное влияние, нуждались друг в друге.

Новый состав правительства проявил заинтересованность в возобновлении диалога с РП и восстановлении прежнего доверия между двумя странами [Белов, 2018, с. 49] (хотя это отнюдь не означало, что ФРГ готова поступиться своими интересами). В коалиционном договоре 2018 г. Польша упоминается 10 раз (против 6 раз в 2013 г.), притом что ЦВЕ как регион в целом упоминается всего 5 раз, а упоминаний о большинстве других региональных игроков практически нет (см. табл. 3). В договоре подчеркивалась совместная ответственность ФРГ и РП за судьбы Европы (в данном случае под «Европой» понимались прежде всего страны – участницы ЕС), за ее безопасность [Ein neuer Aufbruch..., 2018, S. 8]. Официальный Берлин рассчитывал, что в ответ Польша перестанет препятствовать сближению ФРГ с «Вишеградской группой». Еще больше, чем в 2013 г., Германия была заинтересована в том, чтобы не допустить дальнейшего сближения РП с США и Великобританией. В коалиционном соглашении 2018 г. на той же странице, где говорилось о значимости РП, находился блок, посвященный Brexitу, где в ка-

честве главной задачи предлагалось обеспечить солидаризацию ЕС-27 [Ein neuer Aufbruch..., 2018, S. 8], т.е. не допустить заключения сепаратных «сделок» отдельных стран-участниц с Соединенным Королевством [Ondarza, 2019]. Польша потенциально могла пойти на такой шаг. Чтобы воспрепятствовать подобному развитию событий, ФРГ предлагала дополнить возможности ЕС коллективной ответственностью, а ключевую роль в этом процессе отводила себе, Франции и Польше. Важной площадкой для координации усилий трех стран по продвижению коллективных интересов ЕС должен был стать Европейский совет [Ein neuer Aufbruch..., 2018, S. 146]. Выбор именно этой структуры был не случаен: работа Европейского совета строится по принципу государственного представительства. Предлагая использовать для развития сотрудничества именно эту площадку, ФРГ учитывала, что РП всегда настороженно относилась к усилению наднациональных структур ЕС.

Такой набор концептуальных установок вновь обеспечил правительству ХДС/ХСС и СДПГ необходимую гибкость для взаимодействия с РП. В 2018–2019 гг. ФРГ смогла добиться определенных успехов по линии ЕС: официальная Варшава не заключила сепаратную «сделку» по итогам Брекзита и не отказалась от участия в Постоянном структурированном сотрудничестве по вопросам безопасности и обороны ЕС (PESCO) [Ondarza, 2019]. Действуя подобным образом, РП надеялась обеспечить себе одно из ведущих мест в ЕС, хотя это отнюдь не означало, что Польша готова поддерживать германское лидерство. В отличие от других стран – участниц ЕС, РП весьма ограниченно сотрудничала с ФРГ в проектных комитетах PESCO (см.: [Permanent..., 2021]). В рамках ЕС в 2018–2020 гг. Польша активно выступала за то, чтобы в максимально возможной степени учитывать интересы США и Великобритании. По линии НАТО она продолжала усиливать давление на Германию, проявляя повышенную заинтересованность к размещению на своей территории как можно большего числа военных подразделений США, в том числе к перемещению частей и подразделений, которые ранее были постоянно дислоцированы в ФРГ. Видный функционер ПиС, премьер-министр Польши М. Моравецкий на Мюнхенской конференции по безопасности в 2018 г.

подверг ФРГ жесткой критике за ее недостаточно быстрое подключение к конфронтации с РФ [Премьер Польши..., 2018]. В свою очередь, ФРГ продолжила углублять политические и военные связи со странами Балтии [Iron Wolf..., 2019], тем самым также оказывая опосредованное влияние на Польшу.

Уверенная победа «Права и справедливости» на выборах в сейм в октябре 2019 г. [Republic of Poland..., 2019] по логике должна была привести к дальнейшему усилению давления на Германию со стороны Польши в споре о лидерстве. Однако в 2020 г. – первой половине 2021 г. этого не произошло. Причиной, помимо пандемии COVID-19, приведшей к временной «заморозке» мирополитических процессов, стала победа Дж. Байдена на президентских выборах в США в ноябре 2020 г. Учитывая повышенную приверженность администрации Демократической партии США либеральным ценностям, ее приход к власти в настоящее время считается выгодным для истеблишмента ФРГ, независимо от состава правящей коалиции, и, напротив, не очень благоприятным – для РП [Balcer, Blusz, Schmieg, 2017, р. 20–21].

На встречных курсах? Диалог после выборов в ФРГ в 2021 г.

Окончание «эры» А. Меркель ознаменовалось критическим «проседанием» позиций блока ХДС/ХСС на выборах в сентябре 2021 г. (см. табл. 1). Главную роль в новом кабинете стала играть СДПГ, а ХДС/ХСС перешла в оппозицию. Польские аналитики оценивали эту ситуацию скорее негативно [Haszczyński, 2021].

Германские социал-демократы реализовали не состоявшийся в 2017 г. вариант, предполагавший включение в правительство двух малых партий – СвДП и «Союз 90/Зелёных», – от которых зависели состав и возможности новой правящей коалиции. С одной стороны, доктринальные установки этих партий сужали «окно возможностей» для сотрудничества с официальной Варшавой. С другой стороны, СДПГ – ведущая партия в коалиции – проявляла заинтересованность в сотрудничестве с РП (но обязательство с учетом интересов ФРГ), демонстрируя тем самым преемственность действующего кабинета по отношению к политике двух предшествующих правительств (2013–2018, 2018–2021) на польском направлении.

В коалиционном договоре 2021 г. подчеркивалась историческая ответственность Германии перед Польшей за преступления нацистского режима [Mehr Fortschritt..., 2021, S. 125]. В списке партнеров по ЕС Польше вновь отводилось второе по значимости место после Франции [Ibid., S. 135]. Вместе с тем число упоминаний Польши в коалиционном соглашении 2021 г. сократилось по сравнению с договорами 2018 г. (в 2,5 раза меньше) и 2013 г. (в 1,5 раза меньше) (см. табл. 3), что можно объяснить исчезновением иллюзий и осознанием объективных сложностей в налаживании продуктивного взаимодействия с РП.

Очень большое влияние на взаимодействие ФРГ и РП по-прежнему оказывали США. Придя к власти, администрация Дж. Байдена сразу же восстановила высокий («дотрамповский») уровень диалога с Германией. Политику Белого дома при 46-м президенте нельзя охарактеризовать как жесткую гегемонию (как при Д. Трампе), однако она отнюдь не является и мягким лидерством (при Б. Обаме и большинстве его предшественников). По мнению автора данной статьи, линию администрации Дж. Байдена можно назвать «мягкой гегемонией», обозначив желание США обеспечить свою доминирующую роль, в том числе за счет ослабления альтернативных центров притяжения, но реализуемое не в грубых, а в аккуратно-выверенных формах. Проявлениями такого подхода стали одностороннее решение администрации Дж. Байдена по выводу войск из Афганистана в апреле 2021 г. (т.е. выполнение «сделки» с «Талибаном»*, заключенной при Д. Трампе) и расширение сети военно-политических форматов в Индо-Тихоокеанском регионе. Особо следует отметить окончательный переход к США и Великобритании руководящей роли в реализации скоординированного курса «коллективного» Запада на украинском направлении с зимы 2021–2022 гг. Уровень поддержки, которую администрация Дж. Байдена готова оказывать союзникам и партнерам, находился в прямой зависимости от степени их реальной готовности поддерживать США. На практике формула «мягкой гегемонии» оказалась выгодна для РП и, напротив, менее вы-

* Организация, запрещенная в РФ.

годна для ФРГ. Ужесточение конфронтации с РФ, заметное уже с конца 2021 г., в полной мере отвечало установкам руководства «Права и справедливости». РП и на декларативном, и на практическом уровнях активно поддерживала курс на «сдерживание» России (особенно – на принятие мер военного характера), пытаясь при этом использовать сложившуюся ситуацию для усиления своих позиций по отношению к ФРГ. Напротив, для Германии, учитывая ее предшествующую приверженность принципу «стратегической сдержанности», стремительное повышение градуса конфронтации было гораздо менее желательным.

8 февраля 2022 г., впервые за 11 лет (!), была проведена встреча на высшем уровне в формате «Веймарского треугольника» [Pressstatements..., 2022]. То, что Польша проявила готовность к дальнейшей работе в этом составе, объяснялось ее желанием побудить Германию (и Францию) усилить давление на РФ. При этом РП рассчитывала принять на себя направляющую роль в данном процессе. Это подтвердилось на переговорах на уровне глав МИД «Веймарского формата» в польском городе Лодзь 1 марта 2022 г. [Gemeinsame Erklärung..., 2022]. РП стремилась занять место ведущего организатора в обеспечении поддержки Украины со стороны континентальных европейских стран – участниц НАТО. Осуществлению этих планов способствовало несколько факторов. Во-первых, поддержка США и Великобритании: после начала СВО РФ Польша еще более упрочила свое положение в качестве основного реципиента военного присутствия США в ЦВЕ [Fact sheet..., 2022]. Во-вторых, связанное с началом СВО прекращение функционирования «Нормандской четверки», что существенно ослабило позиции Германии и Франции в политico-имиджевом отношении. Польша, напротив, оказалась в выигрышном положении и вдобавок могла сохранять критическое отношение к перспективам сближения ФРГ с «Вишеградской группой». Все это в полной мере отвечало доктринальным установкам ПиС.

Польша неоднократно выступала «застрелищиком» в деле инициирования и реализации решений о поставках официально-му Киеву все более мощных вооружений и военной техники (ВиВТ). При этом едва ли не основным лейтмотивом данного курса

являлось стремление РП побудить Германию принять аналогичные решения, т.е. поддержать линию официальной Варшавы. Так, весьма показательно применение этой схемы в марте – апреле 2022 г. и в январе 2023 г. В первом случае давление со стороны Польши стало одной из причин официального одобрения бундестагом 28 апреля 2022 г. поставок летальных вооружений на Украину [Antrag..., 2022]. В втором случае жесткая критика, с которой выступил Т. Моравецкий, говоря о неготовности ФРГ к поставке на Украину танков типа Leopard 2 [Morawiecki..., 2023], способствовала принятию соответствующего решения 25 января 2023 г. [Pressekonferenz..., 2023].

Шаги, которые предприняла ФРГ по наращиванию поставок ВиВТ официальному Киеву [Liste..., 2023], свидетельствуют об ускоренном отходе Германии от приверженности принципу «стратегической сдержанности». Тем не менее вряд ли можно утверждать, что официальный Берлин слепо и безоговорочно поддерживает курс польской стороны. Поставки ВиВТ Украине стали рассматриваться кабинетом О. Шольца как неотъемлемый элемент сохранения за Германией одной из ведущих ролей в сообществе «западных демократий» [Pressekonferenz..., 2023]. При этом ФРГ наращивает поставки вооружений, – а также и собственные военные расходы в целом, и численность бундесвера, – с той скоростью, которая удобна ей самой, а не навязана партнерами, в том числе Польшей. В данном случае возобладал подход руководства СДПГ, а не «Союза 90/Зелёных». Позиция, которую активно отстаивала А. Бербок на посту главы МИД, предполагала галопирующий рост рестриктивных мер в отношении РФ.

ФРГ использовала фактор СВО для ускорения поступательного роста собственной военной мощи, что, среди прочего, должно было значительно увеличить преимущество германских военно-ресурсных возможностей перед польскими. О. Шольц объявил о первых принятых мерах, в том числе о создании специального фонда бундесвера, уже 27 февраля 2022 г. [Regierungserklärung..., 2022]. Оперативность реакции «светофорного» кабинета (всего через три дня после начала СВО РФ) свидетельствовала о тщательной предварительной подготовке. К этому моменту военная реформа в ФРГ, которая начала проводиться с 2017–2018 гг., дала

первые результаты [Defence expenditure..., 2022, p. 8–12]. Так, 7 июня 2022 г. на встрече с лидерами трех стран Балтии именно канцлер ФРГ объявил об увеличении многонационального военного присутствия СПР НАТО в Литве с батальонного до бригадного уровня – Германия в данном случае играла роль «рамочного государства» [Pressekonferenz..., 2022]. Эта тактическая задача рассматривалась как один из шагов, необходимых для достижения масштабной цели – превращения бундесвера в крупнейшие конвенциональные (т.е. не имеющие в своем арсенале оружия массового уничтожения) национальные вооруженные силы среди всех армий государств – членов НАТО в Европе [Ibid.]. Германия продолжала использовать сотрудничество со странами Балтии, особенно с Литвой, для опосредованного влияния на Варшаву. В свою очередь, министр обороны РП М. Блащак (из партии ПиС) 24 июля 2022 г. пообещал, что у Польши будут самые сильные и многочисленные сухопутные войска среди европейских государств – членов НАТО [В Польше..., 2022]. В числе прочего, это выступление свидетельствует о том, что РП стала опасаться увеличения разрыва между своим и германским военно-ресурсными потенциалами.

Подтверждением того, что ФРГ выстраивает собственную контратратегию в ответ на попытки РП занять лидирующее положение в ЦВЕ, стало обсуждение проблем, связанных с репарациями. В 2022 г. «Право и справедливость» продвигала данную тему гораздо активнее, чем в конце 2010-х годов. Однако официальный Берлин, не меняя основу своей позиции (ответственность Германии за злодеяния фашизма во время Второй мировой войны), стал куда более критично воспринимать риторику руководства РП по этому вопросу. Канцлер О. Шольц, напомнив, что ФРГ считает вопрос о репарациях закрытым [Белов, 2018, с. 48], аккуратно про-бросил тезис о масштабных территориальных уступках в пользу Польши в 1945 г.¹ [Шольц..., 2022], что было крайне болезненно воспринято руководством ПиС.

¹ Это высказывание О. Шольца в ходе награждения в Потсдаме 16 февраля 2022 г. украинского политика В. Кличко не было представлено на сайте Ведомства федерального канцлера, что иллюстрирует осторожность тактики ФРГ на польском направлении.

В коалиционных соглашениях, заключенных правительственные партиями ФРГ по итогам выборов 2013, 2017 и 2021 гг., подчеркивалось, что Польше принадлежит одна из ведущих ролей в Евро-Атлантическом сообществе и – в особенности – в ЕС, но при условии неизменной и тесной координации усилий с германо-французским тандемом. Тем самым Польше, по сути, отводилось место «малой державы». Такая позиция встречала жесткое сопротивление со стороны официальной Варшавы, возраставшее по мере укрепления позиций «Права и справедливости» в 2015–2020 гг. В то же время в коалиционных договорах ФРГ 2013, 2018 и 2021 гг. отображалась все более очевидная готовность Германии отстаивать свои интересы перед РП. На доктринальном уровне официальный Берлин неизменно подчеркивал свою историческую ответственность, но не допускал, чтобы Польша использовала этот фактор для давления на ФРГ.

Спор Германии и Польши о лидерстве резко обострился в 2018–2019 гг. и вновь в 2021–2022 гг. Во многом это было обусловлено тем, что США (сначала при Д. Трампе, затем при Дж. Байдене) фактически поддерживали амбиции официальной Варшавы. Вместе с тем с осени 2022 г. появились определенные признаки возможного достижения как минимум частичного модуса вивенди между ФРГ и РП на основе обоюдного понимания важности двустороннего сотрудничества для сохранения дееспособности Евро-Атлантического сообщества и его институтов в условиях формирования нового миропорядка. Обе стороны поддерживают курс на увеличение потенциала НАТО (прежде всего) и ЕС в контексте «сдерживания российской угрозы». На практике такое положение дел может означать, что спор о лидерстве будет продолжен по ряду функциональных направлений, в то время как по другим направлениям может быть зафиксировано полное или относительное согласие с четким разделением сфер ответственности каждой из сторон. В данном случае показательно наличие интереса к reaktivации на высшем уровне формата «Веймарского треугольника» – причем не только со стороны ФРГ, но и со стороны РП. Но в

целом в диалоге сторон конкуренция по-прежнему преобладает над кооперацией. Эта ситуация может в некоторой степени измениться в случае вхождения в правительство РП представителей «Гражданской платформы». Напротив, возвращение блока ХДС/ХСС к власти едва ли приведет к изменению нынешней схемы диалога.

Литература / References

Бабенко В.Н. (2019). Украина и НАТО : проблемы и перспективы // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 3. – С. 101–116 [Babenko V.N. (2019). Ukraine and NATO : problems and prospects [Ukraina i NATO : problemy i perspektivy] // Current problems of Europe / RAS, INION. – Moscow. – N 3. – P. 101-116] (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2019.03.05.

Белинский А.В. (2018). «Восстание против элит» : всплеск праворадикального популизма в Западной Европе // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 2. – С. 14–36 [Belinsky A.V. (2018). «The revolt against elites» : radical right populism surge in Western Europe [«Vosstanie protiv elit» : vsplesk pravoradikal'nogo populizma v Zapadnoi Evrope] // Current problems of Europe / RAS, INION. – N 2. – P. 14–36] (In Russian).

Белов В.Б. (2018). Европейский вектор внешней политики коалиционного правительства ФРГ // Современная Европа. – Москва. – № 4. – С. 46–56 [Belov V.B. (2018). European vector of foreign policy of the new German government [Evropeiskii vektor vneshnei politiki koalitsionnogo pravitel'stva FRG] // Contemporary Europe. – Moscow. – N 4. – P. 46–56] (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420184656>.

Бирюков С.В., Савин В.В. (2010). Германия – Польша – Россия : зона конфликта или пространство диалога? // Мировая экономика и международные отношения. – Москва. – № 5. – С. 52–61 [Biryukov S.V., Savin V.V. (2010). Germany – Poland – Russia : zone of conflict or space of dialogue? [Germanija-Pol'sha-Rossija: zona konflikta ili prostranstvo dialoga?] // World economy and international relations. – Moscow. – N 5. – P. 52–61] (In Russian).

В Польше пообещали создать сильнейшие сухопутные войска НАТО в Европе. (2022) // РБК. – Москва. – 24.07. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/07/2022/62dd5b1a9a794793f4e30b5a> (дата обращения: 28.03.2023) [Poland promised to create the strongest NATO ground forces in Europe [V Pol'she poobeshchali sozdat' sil'neishie sukhoputnye voiska NATO v Evrope]. (2022)] // RBC. – Moscow. – 24.07. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/07/2022/62dd5b1a9a794793f4e30b5a> (date of access: 28.03.2023)] (In Russian).

Кузнецов А.В. (2016). Польша – мост или барьер для германо-российских экономических связей? // Современная Европа. – Москва. – № 4. – С. 79–82 [Kuznetsov A.V. (2016). Is Poland a bridge or a barrier for economic relations between Germany and Russia? *[Pol'sha – most ili bar'er dlya germano-rossiiskikh ekonomicheskikh svyazei?]* // Contemporary Europe. – Moscow. – N 4. – P. 79–82] (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420167982>.

Любин В.П. (2018). Решающий 2017 год : политические партии и выборы в Германии // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 2. – С. 37–61 [Lyubin V.P. (2018). A crucial year 2017 : political parties and elections in Germany *[Reshajushhij 2017 god : politicheskie partii i vybory v Germanii]* // Current problems of Europe / RAS, INION. – Moscow. – N 2. – P. 37–61] (In Russian).

Погорельская С.В. (2016). «Похищение Европы» : германская политика в ходе преодоления Евросоюзом иммиграционного кризиса 2015 – начала 2016 г. // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 4. – С. 104–139 [Pogorelskaya S.V. (2016). «Abduction of Europe» : German policy in the process of overcoming of the immigration crisis in the EU (2015 – beginning of 2016) *[«Pokhishchenie Evropy» : germanskaya politika v khode preodoleniya Evrosoyuzom immigratsionnogo krizisa 2015 – nachala 2016 g.]* // Current problems of Europe / RAS, INION. – Moscow. – N 4. – P. 104–139] (In Russian).

Премьер Польши : все члены НАТО должны соблюдать условие расходования 2% ВВП на оборону. (2018) // ТАСС. – Москва. – 17.02. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4968402> (дата обращения: 28.03.2023) [Polish Prime Minister : all NATO members must comply with the condition of spending 2% of GDP on defense *[Prem'er Pol'shi : vse chleny NATO dolzhny soblyudat' uslovie raskhodovaniya 2% VVP na oboronu]*. (2018) // TASS. – Moscow. – 17.02. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4968402> (date of access: 28.03.2023)] (In Russian).

Ришар Д. (2017). Польша и Германия : возврат к прагматичному сотрудничеству в Евросоюзе «двух скоростей» // Обозреватель. – Москва. – № 10. – С. 72–84 [Rishar D. (2017). Poland and Germany : a return to pragmatic cooperation in the «European Union of two speeds» *[Pol'sha i Germaniya : vozvrat k pragmatichnomu sotrudnichestvu v Evrosoyuze «dvukh skorostei»]* // Observer. – Moscow. – N 10. – P. 72–84] (In Russian).

Рубинский Ю.И. (2016). Германо-польские отношения и «Веймарский треугольник» // Современная Европа. – Москва. – № 4. – 76–79 [Rubinskyi Yu.I. (2016). Germany–Poland relations and the «Weimar Triangle» *[Germano-pol'skie otnosheniya i «Veimarskii treugol'nik»]* // Contemporary

Europe. – Moscow. – N 4. – P. 76–79] (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420167679>.

Словински К. (2020). Историческая политика партии «Право и справедливость» // Современная Европа. – Москва. – № 1. – С. 102–113 [Slovinski K. (2020). The historical policy of Poland's Law and Justice party [*Istoricheskaya politika partii «Pravo i spravedlivost'»*] // Contemporary Europe. – Moscow. – N 1. – P. 102–113] (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope12020102112>.

Тимошенкова Е.П. (2018). Итоги выборов в бундестаг : новые вызовы – старые ответы // Современная Европа. – Москва. – № 2. – С. 29–39 [Timoshenkova E.P. (2018). Elections to the Bundestag : new challenges – old solutions [*Itogi vyborov v Bundestag: novye vyzovy – starye otvety*] // Contemporary Europe. – Moscow. – N 2. – P. 76–79] (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220182939>.

Шишилина Л.Н. (2015). Вишеградская четверка : 25 лет на карте Европы // Современная Европа. – Москва. – № 6. – С. 9–26 [Shishelina L.N. (2015). The Visegrad Four : 25 years on the map of Europe [*Visegradskaya chetverka : 25 let na karte Evropy*] // Contemporary Europe. – Moscow. – N 6. – P. 9–26] (In Russian).

Шольц пригрозил Польше после требования о репарациях. (2022) // Газета. ру. – Москва. – 16.09. – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/09/16/18578215.shtml> (дата обращения: 28.03.2023) [Scholz threatened Poland after demanding reparations [*Shol's prigrozil Pol'she posle trebovaniya o reparatsiyakh*]. (2022)] // Gazeta.ru. – Moscow. – 16.09. – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/09/16/18578215.shtml> (date of access: 28.03.2023)] (In Russian).

Юдина Т.В. (2019). В поисках политического центра : новое профилирование германских партий и борьба за понятия // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 4. – С. 55–77 [Yudina T.V. (2019). The process of «political center» search : new profiles of the German parties and the struggle for the concept [*V poiskakh politicheskogo tsentra : novoe profilirovaniye germaneskikh partii i bor'ba za ponyatiya*] // Current problems of Europe / RAS, INION. – Moscow. – N 4. – P. 55–77] (In Russian). DOI: [10.31249/ape/2019.04.04](https://doi.org/10.31249/ape/2019.04.04).

Antrag der Fraktionen SPD, CDU/CSU, Bündnis 90/Die Grünen und FDP : Frieden und Freiheit in Europa verteidigen – Umfassende Unterstützung für die Ukraine. (2022) / Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. – Berlin. – 28.04. – 8 S. – (Drucksache 20/1550). – URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/20/015/2001550.pdf> (date of access: 28.03.2023).

Balcer A., Blusz K., Schmieg E. (2017). Germany, Poland and the future of transatlantic community. – Warsaw : Wise Europe. – 34 p.

Bundestagswahlergebnisse seit 1949 – Zweitstimmen. (2021) / Deutscher Bundestag. – Berlin. – 01.10. – URL: https://www.bundestag.de/parlament/wahlen/ergebnisse_seit1949-244692 (date of access: 28.03.2023).

Defence expenditure of NATO countries (2013–2020) : Communiqué / NATO, Public diplomacy division. – Brussels, 2021. – 16 p.

Deutschlands Zukunft gestalten : Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. (2013) / Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. – Berlin. – 186 S.

Die wechselseitigen Beziehungen Deutschlands, Frankreichs und Polens seit Wegfall des «Eisernen Vorhangs» unter besonderer Berücksichtigung der Initiative «Weimarer Dreieck». (2016) / Deutscher Bundestag, Wissenschaftliche Dienste. – Berlin. – 17.05. – 38 S.

Ein neuer Aufbruch für Europa : Eine neue Dynamik für Deutschland, Ein neuer Zusammenhalt für unser Land : Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. (2018) / Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. – Berlin. – 176 S.

Fact sheet : US defense contributions to Europe. (2022) / US Department of defence. – Washington, D.C. – 29.06. – URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3078056/fact-sheet-us-defense-contributions-to-europe/> (date of access: 28.03.2023).

Gemeinsame Erklärung der Außenministerin und der Außenminister Zbigniew Rau (Polen), Annalena Baerbock (Deutschland) und Jean-Yves Le Drian (Frankreich) zur Ukraine. (2022) / Auswärtiges Amt. – Berlin. – 01.03. – URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/-/2515324> (date of access: 28.03.2023).

Haszczyński J. (2021). Widmo rządu z postkomunistami krąży po Niemczech. (2021) // Rzeczpospolota. – Warszawa. – 24.08. – URL: <https://www.rp.pl/swiat/art18847921-widmo-rzadu-z-postkomunistami-krazy-po-nie-mczech> (date of access: 28.03.2023).

Iron Wolf : Höhepunkt jeder EFP-Rotation. (2019) / BMVg. – Berlin. – 01.07. – URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/anerkannte-missionen/efp-enhanced-forward-presence/iron-wolf--67288> (date of access: 28.03.2023).

Kellermann F. (2018). Deutsch-polnische Regierungskonsultationen : schwierige Gespräche in Warschau // Deutschlandfunk. – Warschau. – 02.11. – URL: <https://www.deutschlandfunk.de/deutsch-polnische-regierungskonsultationen-schwierige-100.html> (date of access: 28.03.2023).

Lang K.-O. (2019). Polens unersetzbarer Partner : Warschau vertieft den sicherheitspolitischen Bilateralismus mit den USA / SWP. – Berlin. – 09.07. – URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2019A37/> (date of access: 28.03.2023). DOI: 10.18449/2019 A37.

Liste der militärischen Unterstützungsleistungen. (2023) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/krieg-in-der-ukraine/lieferungen-ukraine-2054514> (date of access: 28.03.2023).

Mehr Fortschritt Wagen : Bündnis für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit : Koalitionsvertrag zwischen SPD, Bündnis 90/Die Grünen und FDP. (2021) / Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. – Berlin. – 178 S.

Morawiecki : Nawet bez zgody Niemiec przekażemy Ukrainie czołgi Leopard w ramach koalicji państw. (2023) // Rzeczpospolita. – Warszawa. – 22.01. – URL: <https://www.rp.pl/polityka/art37823211-morawiecki-nawet-bez-zgody-niemiec-przekazemy-ukrainie-czolgi-leopard-w-ramach-koalicji-państw> (date of access: 28.03.2023).

Ondarza N. (2019). Boris Johnson auf Kurs No-Deal Brexit / SWP. – Berlin. – 02.09. – URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2019A47/> (date of access: 28.03.2023). DOI: 10.18449/2019 A47.

NATO's Forward Presence : factsheet. (2022) / NATO. – Brussels. – 3 p. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/2206-factsheet_efp_en.pdf (date of access: 28.03.2023).

Permanent Structured Cooperation (PESCO)'s projects : overview. (2021) / European Council. – Brussels. – 25 p. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/53013/20211115-pesco-projects-with-description.pdf> (date of access: 28.03.2023).

Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz, dem Präsidenten von Litauen Nausėda, der Ministerpräsidentin von Estland Kallas und dem Ministerpräsidenten von Lettland Kariņš. (2022) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 07.06. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-dem-praesidenten-von-litauen-nauseeda-der-ministerpraesidentin-von-estland-kallas-und-dem-ministerpraesidenten-von-lettland-kariņš-am-7-juni-2022-in-wilna-2048428> (date of access: 28.03.2023).

Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und Ministerpräsidentin Jakobsdóttir. (2023) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 25.01. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-ministerpraesidentin-jakobsdottir-am-25-januar-2023-2160572> (date of access: 28.03.2023).

Pressestatements von Bundeskanzler Scholz, dem französischen Präsidenten Macron und dem polnischen Präsidenten Duda beim Treffen im Format des Weimarer Dreiecks. (2022) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 08.02. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatements-von-bundeskanzler-scholz-dem-franzoesischen-praesidenten-macron-und-dem-polnischen-praesidenten-duda-beim-treffen-im-format-des-weimarer-dreiecks-am-8-februar-2022-in-berlin-2003880> (date of access: 28.03.2023).

Rede von Dr. Angela Merkel, Bundeskanzlerin, zum Treffen der Staats und Regierungschefs der Europäischen Union zur Lage in der Ukraine am 6. März. (2014) / Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. – Berlin. – 13.03. – S. 1518 B-1521 D. – URL: <https://dserver.bundestag.de/btp/18/18020.pdf> (date of access: 28.03.2023).

Regierungserklärung von Bundeskanzler Olaf Scholz. (2022) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 27.02. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungserklaerung-von-bundeskanzler-olaf-scholz-am-27-februar-2022-2008356> (date of access: 28.03.2023).

Republic of Poland : election for Sejm (Polish Sejm). (2011) // Election guide. – Arlington, VA. – 09.10. – URL: <https://www.electionguide.org/elections/id/498/> (date of access: 28.03.2023).

Republic of Poland : election for Sejm (Polish Sejm). (2015) // Election guide. – Arlington, VA. – 25.10. – URL: <https://www.electionguide.org/elections/id/2686/> (date of access: 28.03.2023).

Republic of Poland : election for Sejm (Polish Sejm). (2019) // Election guide. – Arlington, VA. – 13.10. – URL: <https://www.electionguide.org/elections/id/3351/> (date of access: 28.03.2023).

DOI: 10.31249/ape/2023.02.06

Trunov Ph.O.¹

The electoral factor in inter-state relations: Germany-Poland political dialogue (2013–2022)

Abstract. The study of German-Polish relations is important for understanding the state of affairs in the Euro-Atlantic community as a whole. The dynamics of the dialogue between Poland and Germany has acquired a new significance in the realities of the current confrontation between the West and the Russian Federation.

The author analyzes the influence of the factor of national elections on the interaction between Berlin and Warsaw in the political sphere. In Germany, in 2013 and 2018, following the elections to the Bundestag, a «grand coalition» government was formed with the participation of the CDU/CSU as the leading force and the SPD. In 2021, representatives of the SPD, the FDP and the Union 90/The Greens entered the cabinet of O. Scholz. In the Republic

¹ Trunov Philipp Olegovich – Ph.D. in Political Sciences, Leading Researcher, INION. (1 trunov@mail.ru).

of Poland, as a result of the 2015 parliamentary elections, a coalition led by the Civic Platform was replaced by a one-party government of the «Law and Justice» party («Prawo i Sprawiedliwość», PiS), and after the elections to the Sejm in 2019, «Law and Justice» strengthened its positions. PiS nominee A. Duda was elected president of the RP twice (in 2015 and 2020).

The author explores the perception of Polish vector in coalition agreements of the German governments (2013, 2018, 2021) and evaluates the completeness of the implementation of these doctrinal guidelines in practice. The gap between doctrinal and practical levels of these agreements, which has emerged in 2014, began to gradually narrow in 2018–2022. This is largely due to the fact that after «Law and Justice» came to power in Poland, Berlin realized the objective difficulties in establishing productive interaction with Warsaw.

The article analyzes the dynamics of the interstate dialogue, the role of the «Normandy Four», the Visegrad Group and the intergovernmental consultations. The approaches of the establishment of Germany and the Republic of Poland to the presence of a «senior partner» in a bilateral dialogue are compared. In this regard, the influence of the US factor, especially during the presidency of D. Trump and then J. Biden, on the development of German-Polish relations is investigated. It is concluded that a modus vivendi in the leadership dispute between Germany and Poland is attainable.

Keywords: party-political landscape, CDU/CSU, SPD, Union 90/The Greens, coalition agreement, «Law and Justice», confrontation, leadership, the USA, D. Trump, J. Biden.

Статья поступила в редакцию (Received) 13.02.2023.

Доработана после рецензирования (Revised) 10.03.2023.

Принята к публикации (Accepted) 13.03.2023.